

М.А. КОРЕЦКАЯ

**МЕДИАКРАТИЯ И ПУБЛИЧНОСТЬ:
ТРАНСФОРМАЦИИ В СЕТЕВОЙ СРЕДЕ**

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Амбивалентность власти: мифологический, онтологический и практический аспекты» (проект РГНФ № 14-03-00218)

В статье проблематизируется связь новых медиа и публичности, а также рассматриваются ожидания, связанные с трансформацией публичного пространства под воздействием интерактивной сетевой медиасреды. Эти ожидания противоречивы: есть прогнозы как нового расцвета гражданского общества, так и полной деградации публичной сферы.

Ключевые слова: *публичное, приватное, сетевые медиа, медиасреда, суверенность, гражданское общество*

Корецкая Марина Александровна - канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Самарская гуманитарная академия. E-mail: listarb@list.ru

M.A. KORETSKAYA

**MEDIACRACY AND PUBLICITY:
THE TRANSFORMATION IN A NETWORKED ENVIRONMENT**

The article problematizes the relationship between the new media and the publicity, and also discusses the expectations associated with the transformation of the public sphere under the influence of the interactive network media. These expectations are controversial: there are predictions of a new flourishing of civil society, as well as the complete degradation of the public sphere.

Keywords: *publicity, privacy, networked sphere, information environment, sovereignty, civil society*

Marina A. Koretskaya - Candidate of Philosophical Sciences, associate professor, head of the Department of Philosophy, Samara Academy of Humanities. E-mail: listarb@list.ru

Закономерно становящийся всё более масштабным так называемый «медиаальный поворот» в философии и гуманитарном знании [5, с. 36] представляет собой весьма актуальную попытку понимания того очевидного факта, что современная социальная реальность практически тотальным образом погружена в медиасреду и пронизана сетью медиакоммуникаций. Такая ситуация позволяет проблематизировать феномен медиакратии, задавая вопрос о его основаниях, границах и ближайших тенденциях. Если, как писал ещё Н. Луман, «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живём, мы знаем благодаря масс-медиа» [3, с.8], становится понятно, что любые реалии будут не просто обволакиваться медиаоболочкой, но и конституироваться по правилам медиасреды. Сами же медиа для субъектов коммуникации перестают быть только лишь средством и приобретают статус своеобразного a priori. В эту тенденцию вписывается и известный разговор о СМИ как о «четвёртой власти»: средства массовой информации перерас-

тают статус простого инструмента власти (политической, экономической) и, являясь ключевым условием функционирования публичности, сами претендуют на властный авторитет, управляя своей аудиторией. При этом сама медиасреда за последнее время существенно изменилась, став виртуальной, интерактивной, сетевой, что не замедлило сказаться на аудитории, которая в значительной мере перестала быть пассивно информируемой, отстаивая своё право вмешательства практически в любой, сколь угодно властный текст. Соответственно, меняются структура медиасообщений, стратегии коммуникации, и, что более существенно, трансформируется публичное пространство как таковое, а с ним вместе и актуальный диспозитив власти. Поскольку процесс трансформации идёт полным ходом и далёк от завершения, у интеллектуалов складываются определённые ожидания касательно перспектив публичности в сетевой медиасреде. И ожидания эти, мягко говоря, противоречивы: есть прогнозы как нового расцвета гражданского обще-

ства, так и полной деградации публичного пространства и установления режима тотального контроля.

Цель данной статьи - описать ключевые аспекты той трансформации, которую публичная сфера претерпевает под воздействием новых медиа, и рассмотреть аргументы в пользу как оптимистичных, так и пессимистичных оценок этой трансформации. Прежде чем ставить вопрос об обоснованности этих позитивных или негативных ожиданий, имеет смысл, по крайней мере, тезисно обозначить контекст, в котором публичное пространство востребовано, и его наличие или отсутствие в том или ином обществе может считаться неким важным индикатором.

Как известно, публичное пространство как пространство буквально «общего дела» исторически возникло в античности вместе с прямой полисной демократией. Этот режим полисной организации предполагал, что многие (пусть к этим многим относилось и не более четверти общего населения) так или иначе имели прямой доступ к принятию решений, в том числе и политических, а решения эти принимались в интересах большинства. Эта система управления была чрезвычайно дорогостоящей, хрупкой, склонной к эксцессам и её более-менее вменяемое функционирование зависело от соблюдения ряда принципов и условий. К таким принципам относились *isonomia* (равенство всех перед законом) и *isegoria* (право каждого свободно высказываться по любому вопросу и быть выслушанным), а в число необходимых условий входили сложные культурные механизмы, направленные на решение практически неосуществимой задачи сделать каждого, кто обладает гражданскими правами, способным (по крайней мере потенциально) к тому, чтобы смотреть дальше своих частных (семейных, клановых, корпоративных) интересов и выступать в качестве субъекта политической воли. Общее благо как принцип принятия решений - слишком тонкая, неопределённая и спорная материя в ситуации отсутствия сакральных авторитетов, оно-то и требовало изобретения публичного пространства как зоны открытого соперничества за влияние на сообщество и общественного контроля за выполнением принятых решений. С этим связан подробно рассмотренный М. Фуко принцип *ragresia* добровольного, честного и прямого публичного высказывания по существу вопроса. Эта правдивая речь ответственна, поскольку, если высказанная правда не понравится

большинству, за неё говорящий готов заплатить высокую цену (вплоть до ссылки и смерти) [8, с. 70].

Современные представительские формы демократии наследуют у античности и значимость публичного пространства. Но массовый характер обществ и вездесущее в индустриальную и постиндустриальную эпоху отчуждение создаёт здесь свои проблемы. В конституциях подавляющего большинства современных стран обозначено, что субъектом суверенности является народ. Соответственно, каждый индивид а priori наделён, по крайней мере, правом на жизнь, свободу и человеческое достоинство, а полный комплект гражданских прав считается важным распространять на максимально широкие слои населения. Но, во-первых, никто не может гарантировать себе свою свободу и человечность самостоятельно, а, во-вторых, имеется существенный зазор между декларированным гражданским статусом и реальным участием в принятии реальных решений. Представительская форма с её делегированием вроде бы неотчуждаемой суверенности делает неизбежной профессионализацию и замкнутость политических элит, на которые с недоверием и страхом поглядывает молчаливый обыватель, с головой ушедший в семейную жизнь. В этом смысле Ричард Сеннет говорит об окончательном торжестве общества интимности и падении публичного человека в современном культурном пространстве Запада [6]. Либеральная в своей основе идея гражданского общества как раз и была призвана, по крайней мере, смягчить эти проблемы, поскольку, если не всякий гражданин может напрямую участвовать во власти, то всякий, во-первых, может требовать от властных институтов отчёта, а, во-вторых, выступать инициатором гражданских инициатив. При этом предполагается, что медиа вообще и СМИ в частности не только могут, но и должны выступать в качестве посредника между властью и обществом. Их посреднические функции видятся в том, чтобы, во-первых, делать принятые «наверху» решения, по крайней мере, прозрачными для каждого индивида как субъекта гражданских прав, а, во-вторых, в том, чтобы снабжать всегда недостаточно квалифицированного обывателя экспертными мнениями и критериями оценки действий власти. И, наконец, в том, чтобы делать факты злоупотребления полномочиями достоянием широкой общественности. Для выполнения этой миссии СМИ должны быть независимыми, почему и употребляется мета-

фора «четвёртой власти» как «права задавать вопросы и требовать на них ответа» [10, с. 270]. Однако на деле, как известно, всё не столь радужно, как в гуманистических теориях. Классические масс-медиа в силу исключения прямой интеракции [3, с. 10] представляют собой однонаправленный канал распространения информации, который соблазнительно легко можно контролировать, приобретая тем самым чрезвычайно мощный ресурс манипулятивного воздействия, чтобы действительно позволить СМИ быть независимыми.

Интерактивность, всё более набирающая обороты в сетевых медиа, вроде бы переламывает ситуацию и дарит публичности новый исторический шанс. С тех пор, как медиа перестали быть однонаправленным потоком, служащим репрезентации власти (за что медийность критиковали такие авторы, как Ж. Бодрийяр или Н. Луман), большинство как-то внезапно перестало быть молчаливым. Учитывая, что подавляющая масса текстов, курсирующих в интернете, произведена самими пользователями, можно утверждать, что сбылась мечта М. Фуко - курс обрели те, кто был его лишён, историческая миссия интеллектуалов оказалась выполненной (немного жаль только, что это случилось практически без участия самих интеллектуалов). Всякий имеет право, возможность и обязанность не просто знать обо всём, но и высказываться на неопределённо широкую публику по поводу чего угодно. Равенство всех перед сетью не только в смысле режима доступа к получению информации, но и в смысле возможности без особых затрат быть услышанным потенциально бесконечной аудиторией означает, по словам Аллы Митрофановой, «новый эгалитарный максимум», который позволяет пользователю выйти из состояния аполитичности [4, с. 8].

Далее, поскольку технически возможно и востребовано вмешательство пользователя в любой текст, в том числе и в тексты, репрезентирующие власть, властный дискурс может быть «похищен» и спародирован, любая официальная информация может быть оспорена во всеуслышание самой пользовательской аудиторией, что позволяет говорить о так называемом информационном риске власти. Высказывания, сделанные от частного лица, но в таком пространстве, где количество адресатов потенциально бесконечно, может собрать в результате такую аудиторию, которой позавидуют СМИ, причём доверие аудитории, скажем, к блоггеру, по

понятным причинам будет несравненно выше [1]. Аудитория не ждёт более журналистских расследований, а социальные сети прекрасно работают в качестве альтернативного источника новостей. Очевидцы разного рода масштабных катастроф с молниеносной оперативностью забрасывают кадры с места событий в социальные сети, где информация распространяется вирусным образом, в результате чего представление о масштабах и причинах катастрофы у аудитории в целом складывается весьма далекое от официальной версии событий. Вытеснят ли новостные ленты когда-нибудь в перспективе традиционные СМИ - вопрос дискуссионный, но, поскольку контролировать множественные информационные потоки, мягко говоря, затруднительно, и нелюбезные факты неизменно всплывают, это внушает, по крайней мере, некоторую надежду на больший самоконтроль и ответственность тех, кто осуществляет властные функции.

Ещё один потенциально позитивный момент связан с тем, что сетевые медиа позволяют индивидам с общими взглядами, интересами и проблемами с лёгкостью находить друг друга вне зависимости от географических расстояний и создавать весьма внушительные сообщества. Тем самым решается проблема мегаполиса, который в силу своего умеренного разрастания уже давно перестал быть полисом по сути: в мегаполисе не только ни одна площадь не вместит всех граждан-горожан, но и ни одно дело не объединит их всех. Ближних оказывается слишком много, частотность ротации в их рядах слишком велика, чтобы устанавливать и поддерживать доверительные отношения. Погружённость в равнодушное и даже агрессивное поле непосредственных социальных контактов приводит к насущной потребности дотянуться до «дальнего», каковую задачу и позволяет решить медиаризма, пронизывающая обезличенное городское пространство и уберігающая его от окончательного коммуникативного коллапса. И, что более важно, социальные сети, задумывавшиеся, как говорят их создатели, ради поддержания частной коммуникации, не только не утрачивая этой функции, но и благодаря ей, превратились в мощное средство формирования общественного мнения и даже политических инициатив и консолидации «снизу». Это свойство сетевой коммуникации вроде бы позволяет найти более эффективные формы политической организации, чем всё более

теряющая доверие партийная система. Так что наиболее радикально настроенные исследователи медиа поговаривают даже о возвращении к прямой демократии, которая, как предполагается, благодаря новым техническим медиасредствам оказывается впервые возможна в условиях массового общества.

Однако, во-первых, как пишет М. Ямпольский [12, с. 475-505], уже имевшая место в истории попытка возвращения к прямой демократии во время Французской революции обернулась террором, поскольку буквальное понимание народа как субъекта суверенности привело к тому, что все несогласные и даже потенциально несогласные отсекались от «народного тела» во имя единства этого последнего. И возможность повторения такого сценария не может не бросить тень на саму идею. А во-вторых, есть целый ряд сомнений по поводу того, что сетевые медиа обеспечат действительный ренессанс публичности. Когда публичную сферу понимают как опосредующее звено между индивидом и государством и связывают с ней уже упомянутую прозрачность, не всегда проговаривают, но имеют при этом в виду, что эта прозрачность должна быть действенной. Однако возникает подозрение, что при общей диктатуре принципа зрелищности, вопреки просвещенческому лозунгу «знание - сила» имеет место то самое «бессилие критики», которое П. Слотердаjk назвал сумерками цинизма [7, с. 25]. Да, почти все знают почти всё. Да, почти все могут публично высказаться или проголосовать по поводу чего угодно. Могут даже коллективно заявить свои позиции. Но много ли это меняет на уровне решений? Позиции шумно сдаются лишь по малозначительным вопросам. Объяснений такого парадоксального положения дел может быть несколько. С. Жижек про разоблачения Викиликс писал, что срывать маски в публичном пространстве - значит разрушать саму сферу публичного, поскольку последняя держится не на полной прозрачности всего и вся, а на формализме и риторической маскировке всегда не слишком красивых политических намерений [2]. В ситуации, когда всё равно изменить ничего нельзя, хуже всего то, что разоблачения не дают всем сторонам сделать вид, что они не знают того, что знают.

С другой стороны, может быть, современное пространство публичного зрелища носит вовсе не демократический, а, так сказать, плебейский характер: оно предназначено для тех, кто по определению ничего не решает, и, соответственно,

даже высмеивание и жёсткая критика служат не тому, чтобы вовлечь публику в обсуждение насущных проблем, а чтобы отвлекать и развлекать массовую силу. Современный пользователь, запускающий в интернет демотиватор с изображением президента, действует в той же логике, что и плебей, рисующий сомнительное граффити политического характера на римских улицах. Чем сильнее власть, тем спокойнее она может смотреть на низовое пародирование и разоблачение, поскольку это позволяет недовольным «выпустить пар» без особенно рискованных последствий.

Не слишком впечатляющая степень действенности сетевой публичности может также оказывать оборотной стороной принципа пользовательской лёгкости. Принципиальная для новых медиа установка на открытость и доступность предполагает отказ от, казалось бы, священного некогда принципа избирательности. Принадлежность к «комьюнити» прежде давалась весьма большой ценой и потому сама была ценностью. А вот особенности интернет-коммуникации отменяют за неадекватностью возрастной и имущественной ценз, процедуры инициации и прочие сложности, могущие возникнуть на пути того, кто желает приобщиться к тому или иному коммуникативному полю. Но у нового эгалитарного максимума есть своя цена: соучастие в виртуальном пространстве свободы доступно, прежде всего, для той редуцированной формы субъекта, которую В.В. Савчук исчерпывающе характеризует как коммуникант. «Коммуникант безлик, транслируя господствующий дискурс, он - условие его производства, существования и распространения. При этом стоит подчеркнуть, что он есть конверсив медиасреды, реактивно отражающий мутации социального, биологического, психологического и идеологического и прочих тел, составляющих тело массмедиа» [5, с. 128]. Таким образом, совпадение с фигурой пользователя - далеко не безобидная трансформация. Учитывая, что этимологически русское слово «польза» восходит к «лёгкости», надо полагать, что пользователь, вовлечённый в интерактивную коммуникацию, отнюдь не пробуждается от потребительского сна, чтобы вернуть себе достоинство активной субъектной позиции, а просто меняет пассивную стратегию потребления на активную. В итоге заманчивая лёгкость высказывания в жанре комментария, например, поддерживает не столько фигуру эксперта, сколько дилетанта, полного сверхценных идей, у которого просто по

поводу всего уже есть своё готовое мнение - но в каком смысле оно «своё»? «Какая разница, кто говорит, - сказал кто-то, - какая разница кто говорит» [9, с. 13].

Как, опираясь на Платона, настаивал М. Фуко [8], исходно право на публичное высказывание и его (этого высказывания) вменяемый характер было связано с принципом парресии, которого следовало придерживаться в «добродетельном», а не демагогическом ключе. То есть говорящий в публичном пространстве, по крайней мере в идеале, должен был брать на себя этическое обязательство компетентным образом говорить правду пусть даже с риском для собственной жизни. Иными словами, функционирующее публичное пространство при соблюдении принципа свободы слова парадоксальным образом всё-таки должно быть пространством высоких ставок и большого риска. Интернет-среда, напротив, позиционируется как среда повышенной безопасности, сводящая риски или даже простой дискомфорт шероховатостей общения к минимуму. В итоге средний пользователь согласен оставлять комментарии, подписывать петиции и прочими способами демонстрировать активность гражданской позиции, но лишь до тех пор, пока это делается легко (в пару кликов) и ни к чему особо не обязывает. Что ж удивляться, если критика, которая субъекту равным счётом ничего не стоит, вместо парресии демонстрирует в избытке всплеск ressentimentа (злопамятности и нечистой совести, характеризующих, по Ницше, реактивную волю к власти)?

Другой стороной всё той же проблемы является тенденция (которая наметилась ещё в рамках классических медиа, но сейчас ускоряется лавинообразно) подмены публично значимого знания простым обнаружением приватной жизни публичных персон. Надо заметить, что принятое противопоставление публичного и приватного относительно, так как обе эти сферы могут существовать, только дополняя друг друга (в традиционных культурах, погружённых в логику мифа и жизнь рода частным интересам и частной жизни места нет, равным образом и тоталитарный «уклад» отменяет обе сферы). Но при этом наиважнейшим является умение перемещаться по этим двум зонам, не путая культурных кодов и не нарушая принципа уместности. Вопреки утверждению Р. Сеннета, о преобладании режима приватности говорить сегодня не приходится: страх публичности у обывателя улетучился с тех

пор, как публичное пространство оказалось пронизано интернет-ризомой с присущим ей эффектом (мнимым или реальным - другой вопрос) анонимности и безнаказанности. Зато многие с удивлением и недоумением отмечают тенденцию смешения кодов, присущих обеим сферам. Как об этом пишет Умберто Эко: «Посещая домашние странички, обнаруживаешь, что целью множества людей является обнаружение своей малоинтересной нормальности, или, хуже того, малоинтересной ненормальности» [11, с. 163]. Понятно, что это эффект общей установки медиа на развлекательный характер информации, каким бы ни был исходно информационный повод, но такое размытие границ является более чем тревожным симптомом.

Подводя итоги, можно сказать, что актуальные тенденции трансформации публичного пространства под воздействием новых медиа имеют амбивалентный характер. Надежда на то, что интернет-среда обеспечит нас эффективным инструментом гражданского самосознания рискованна в том смысле, что в той мере, в какой мы воспринимаем медиа как средство, они благополучно используют как средство нас самих [5, с. 130]. К тому же власть нельзя понимать как что-то, что располагается исключительно в области политических элит или государственных структур. Интернет-среда сама по себе обладает высокой степенью принудительности и тяготеет к тому, чтобы организовать во что-то вроде мегаимперии. Так что с новыми медиа может получиться прямо по Ж. Бодрийяру: предоставляя нам многое, они могут отобрать у нас всё. С другой стороны, и предвещать апокалипсис, пожалуй, преждевременно. Может быть, на поверку и выясняется, что реальной свободы не стало больше, но, вообще говоря, когда её было достаточно? Идеальное общественное устройство - это, скорее, утопия, а «машины власти» были всегда и всегда были в большей или меньшей степени репрессивными. Так что, избавляясь на уровне социального целого от одних, мы тем вернее попадаем в другие. Другой вопрос, что конфигурация власти постоянно меняется, и крайне важно зафиксировать её актуальный диспозитив, чтобы иметь возможность найти собственные зоны свободы.

Список литературы

1. Вокуев Н. Между дневником и масс-медиа: особенности блога как средства коммуникации // Аналитика культурологии. - 2011. - Вып. 1(19). - URL: <http://www.analiculturolog.ru/>

journal/new-number/item/675-between-diaries-and-media-especially-blog-as-a-communication-tool.html (дата обращения 10.08.2012).

2. Жижек С. «Викиликс» или когда срывать маски - наш долг. - URL: <http://politizdat.ru/outgoing/93/> (дата обращения 15.08.2012).

3. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. - М.: Практикс, 2005. - 256 с.

4. Митрофанова А. Субъект в сетях. Ре-политизация субъективности и деполитизация идентичности // Медиафилософия VII. Медиареальность субъекта / Под ред. В.В. Савчука, М.А. Степанова. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2011. - С. 7-25.

5. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. - СПб.: Издательство РХГА, 2013. - 350 с.

6. Сеннет Р. Падение публичного человека. - М.: Логос, 2002. - 424 с.

7. Слотердаjk П. Критика цинического разума. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. - 583 с.

8. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1881-1982 учебном году / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. - СПб.: Наука, 2007. - 677 с.

9. Фуко М. Что такое автор? // М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. - М.: Касталь, 1996. - С. 7-46.

10. Черных А. Мир современных медиа. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. - 312 с.

11. Эко У. Полный назад / Пер. Е. Костюкович. - М.: Эксмо, 2007. - 592 с.

12. Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана. - Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. - М.: Новое литературное обозрение, 2004.